

— Ваше Высочество будет сопровождать княгиня. Жена — вот кто на всю жизнь остается рядом с Вашим Высочеством, — мягко вразумлял Лу Цзыяо, с нетерпением ожидая, когда же наконец запустится любовный квест хладнокровного деспота.

Янтарные глаза седьмого принца вспыхнули, и он с надеждой спросил Лу Цзыяо:

— А как она становится женой?

Лу Цзыяо улыбнулся:

— Сначала Ваше Высочество должен найти ту, кто вам по душе, и чтобы Ваше Высочество ей тоже нравился. Затем, когда родители с обеих сторон дадут согласие, можно будет совершить поклон Небу и Земле, а потом поклон родителям. А когда Ваше Высочество поднимет свадебное покрывало с невесты, она и станет вашей женой.

Седьмой принц удивленно похлопал глазами. Кажется, эта процедура вызвала у него живейший интерес. Он косо взглянул на глупенького Лу Цзыяо, ощутив редкое смущение, пару мгновений помялся и с наигранной непринужденностью спросил:

— А ты хочешь кланяться Небу и Земле вместе со мной?

— Ха-ха! — Лу Цзыяо забавлялся от души. — Ваше Высочество будет кланяться Небу, Земле и родителям вместе с княгиней. С какой стати мне влезать не в свое дело? Конечно же, я не могу кланяться вместе с Вашим Высочеством.

Седьмой принц явно не ожидал столь прямого отказа. Его пухлое личико мгновенно вспыхнуло, он надул губы и бросил Лу Цзыяо грозное предупреждение:

— Не хочешь — и не надо! Я и сам не собираюсь кланяться с глупым Лу Цзыяо!

Лу Цзыяо, едва сдерживая смех, ущипнул карапуза за щечку.

Принц отвернулся — не дергай!

— Я накоплю кучу самых красивых покрывал и ни одного не дам Лу Цзыяо! — Седьмой принц сгорел от стыда и досады, наговаривая колкостей, чтобы заставить бессердечного маленького компаньона пожалеть о содеянном.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!.. — Лу Цзыяо запрокинул голову и расхохотался от всего сердца!

Как же его карапуз мил, ну надо же, ха-ха-ха-ха-ха!

[Чувство безопасности Лу Цзяня: -7]

— ...Ха-ха-ха-ха, кхе! Кхе-кхе... — Лу Цзыяо, неожиданно поперхнувшийся от системного оповещения, в полном ужасе уставился на карапуза: — Ваше Высочество, что с вами?

Карапуз отвернулся и сердито ушел.

Прощание перед выездом из столицы снова вышло не слишком гладким.

* * *

Лишь поднявшись на казенное судно вместе с врачевателями, Чжан Сы узнал настоящую цель

поездки Лу Цзыяо.

— Не волнуйся, я взял тебя лишь потому, что опасался разбойников в дороге. В уезде Пинжун я не заставлю тебя контактировать с больными, — объяснил Лу Цзыяо Чжан Сы.

— О чем тут волноваться? — беспечно отозвался Чжан Сы. — Живуч я, как сорняк. Более тридцати лет назад от чумы умерли и мой отец, и братья, а я вон как выжил. Молодому господину лучше позаботиться о собственном здоровье: с таким хрупким сложением вам эти невзгоды не перенести.

Лу Цзыяо изумленно уставился на Чжан Сы:

— Твоя семья погибла от чумы?

— Мы с матерью вырвались, — с усмешкой сказал Чжан Сы. — Моя мать, вечно болевшая, уж не знаю какими правдами и неправдами, тоже не сгинула от чумы. Муж и сыновья вымерли подчистую, а она изо всех сил цеплялась за жизнь, лишь бы сохранить меня, единственное колено. Сбежать-то вырвалась, чумой не заразилась, зато подхватила чахотку.

От этих слов у Лу Цзыяо замирало сердце.

Для простого люда в древности подобные бедствия были невиданным по жестокости кошмаром. Но Чжан Сы говорил обо всех этих невзгодах с таким равнодушием, что трудно было даже представить, через что ему пришлось пройти.

Чахотка — это туберкулез легких, который в древние времена считался практически неизлечимой болезнью. Если заражался богач, у него при хорошем уходе еще оставался шанс протянуть дольше, бедняк же был обречен на мучительную смерть.

Услышав от Чжан Сы, что мать была единственной выжившей из его родных, Лу Цзыяо осторожно предпринял попытку предложить помощь:

— Ты находишься во дворце, и если тебе неудобно ухаживать за матерью...

Чжан Сы усмехнулся:

— Да о каком уходе речь? Мать давно умерла.

Лу Цзыяо лишился слов.

Чжан Сы смотрел на пейзажи по обеим сторонам канала и, прищурившись, с безнадежной тоской вспоминал:

— Уж лучше бы она подхватила ту чуму — протянула бы ноги, да и дело с концом. А так свалилась с этой проклятой чахоткой... Все медяки, вырученные за семейные запасы зерна, ушли ей на снадобья. А тело от лекарств только слабело, толку от нее не было вовсе — одни зряшные траты.

Эти слова резали слух Лу Цзыяо, но в душе он понимал, что не имеет права судить о человеческих качествах Чжан Сы со своей сытой и безмятежной колокольни.

— Пока в ней еще теплилась жизнь, разве мог я опустить руки? — Чжан Сы отрешенно вглядывался вдаль, вспоминая начало своего падения. — Один бродячий лекарь обманул меня. Сказал, у него есть чудесное средство — мол, всего три пилюли вылечат мать. Правда, дорого:

две лян серебра за штуку. Вот я и стал по ночам обшаривать чужие дома. Думал, потом продам себя в слуги какому-нибудь помещику, заработаю денег и все верну. Тогда я искренне не считал себя вором.

— А потом... — Чжан Сы облизнул губы, и его лицо омрачилось. — Три пилюли не помогли, зато у матери развилось пристрастие к лекарству. Без него она мучилась так, что жизнь была хуже смерти. Я пошел к тому лекарю, а он задрал цену — пять лянов за пилюлю.

Лу Цзыяо опешил. Только в этот миг в побитых жизнью глазах Чжан Сы он увидел настоящие чувства.

Оказалось, истинные страдания способны лишить человека способности проявлять печаль.

Ему приходилось тянуть весь этот груз в одиночку, у него не было даже мгновения на слабость или сентиментальность.

Эта видимая бесстрастность вовсе не означала черствость. Возможно, лишь сохраняя такое хладнокровие, он мог удерживаться на ногах и не ломаться под ударами судьбы.

Лу Цзыяо с болью в сердце подумал: в прошлой жизни карапуз, потеряв отца-императора и старшего брата, внезапно взвалил на свои плечи всю тяжесть мира.

И именно с того момента седьмой принц больше никогда не проявлял ни слабости, ни печали.

Сила и жестокость не всегда даются от рождения. Порой они возникают лишь потому, что за спиной больше нет опоры и отступать некуда, и тебе не остается ничего другого, кроме как самому стать опорой для остальных.

Чжан Сы продолжал делиться воспоминаниями:

— У меня от природы был талант к воровству. За целый год я ни разу не попался властям. Это даже привлекло внимание одного странствующего мастера. Тот мастер, желая избавить народ от беды, схватил меня. Сначала он собирался сдать меня властям, но, расспросив о причинах краж, проникся состраданием и даже взял меня в ученики. Жаль только, я все равно разочаровал его. Мать моя умерла, а такое отродье, как я, до сих пор коптит небо.

— Никакое ты не отродье, — недовольно возразил Лу Цзыяо. — Чжан Сы, ты согласился стать моим другом. А я дружу только с настоящими храбрецами и достойными людьми. Прошлое не имеет значения, но ты должен дорожить нашей дружбой и остаток жизни прожить как честный и благородный человек.

Чжан Сы расплылся в улыбке:

— Ладно. Сделаю все, чтобы не потерять такого друга.

* * *

Прибыв в уезд Пинжун, Лу Цзыяо почувствовал облегчение при виде бескрайних рисовых полей.

За посевами продолжали ухаживать — значит, эпидемия еще не приняла катастрофических масштабов, и донесения о семидесяти с лишним зараженных чумой, скорее всего, соответствовали действительности.

Вместе с несколькими императорскими врачами и известными столичными лекарями он добрался до места размещения.

Это была усадьба с четырьмя дворами и садом, предназначенная для приема чиновников из столицы. Условия оказались весьма достойными.

Лу Цзыяо спросил у привратника:

— Есть ли в усадьбе больные, проходящие лечение?

Привратник ответил:

— Лекари сами ходят по домам больных. У нас в усадьбе раньше были двое заболевших врачей: один скончался полмесяца назад, и его тело отправили на родину, а другой уже покинул Пинжун.

Лу Цзыяо кивнул, вместе с Чжан Сы расположился во флигеле третьего двора, после чего велел слугам обрызгать дезинфицирующим раствором комнаты, где ранее проживали больные, и распахнуть окна и двери для проветривания.

Подобные действия вызвали глубокое недоумение у сопровождавших их врачей. В древности понятия вируса не существовало, так что странные распоряжения Лу Цзыяо окружающие воспринимали скорее как суеверные чудачества.

А когда на следующий день он надел защитную маску и отправился вместе с лекарями осматривать больных, недоумение окружающих лишь возросло.

В глазах прочих лекарей эти научные меры предосторожности выглядели неуважением к пациентам.

Лу Цзыяо еще до отъезда предвидел нечто подобное, но объяснить древним людям существование вирусов, видимых лишь под микроскопом и передающихся воздушно-капельным путем, он не мог, а потому лишь продолжал гнуть свою линию, привыкая к роли белой вороны.

Спустя два дня клинических наблюдений Лу Цзыяо пришел к выводу, что симптомы больных напоминают описания мора эпохи Чунчжэня, оставленные Лю Шананом.

Кашель с кровью у больных встречается нередко, однако появление лимфатических уплотнений в паху и подмышках с высокой вероятностью указывало на бубонную чуму.

Это было не что иное, как начало масштабной катастрофы.

С замирающим от ужаса сердцем Лу Цзыяо покинул жилище больных и тут же достал изготовленное им мыло на основе жирных кислот, потребовав, чтобы все лекари, контактировавшие с зараженными, вымыли руки и лицо.

Придворные врачи и знахари относились к странным замашкам и требованиям Лу Цзыяо с пренебрежением, однако, поскольку он являлся доверенным лицом наследного принца, спорить никто не решился — все молча и покорно вымыли руки с мылом.

Закончив омовение, они приступили к экстренному консилиуму.

— Подобных симптомов нет ни в одной исторической хронике, — первым взял слово главный придворный врач. — Судя по пульсу, болезненное состояние относится к категории синдрома

Инь. Если прописать отвар с согревающими и жаркими свойствами для регуляции организма, удастся, пожалуй, временно сохранить больным жизнь.

Несколько врачей, поглаживая бороды, стали поочередно высказывать свои соображения.

<http://bllate.org/book/18379/1767049>